
ТЕОРИЯ

Л. Е. ГРИНИН

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ*

Во второй статье продолжает исследоваться традиционный в философии, но в каждую эпоху звучащий по-новому вопрос о роли личности в истории, доказываясь, что в век глобализации есть серьезная необходимость уделить внимание исследованию этой проблемы. В первой части статьи дается анализ современных взглядов на роль личности в истории. Во второй части автор показывает в системе комплекс факторов, которые влияют на роль личностей. Делается вывод, что роль личности обратно пропорциональна стабильности и прочности общества. В статье описана модель, которая включает четыре фазы состояния общества: 1) стабильное общество типа монархии; 2) общественный предреволюционный кризис; 3) революция; 4) создание нового порядка. Показано, что наибольшее влияние личность может оказать в фазах 3 и 4, в то время как в фазе 1 ее влияние обычно существенно меньше.

Исторические события не являются предопределенными, поэтому будущее имеет множество альтернатив. При этом будущее способно измениться в результате деятельности не только крупных политических сил, но даже отдельных групп и их лидеров, оно также зависит от действий самых разных людей, например ученых¹. Следовательно, проблема роли личности в истории для каждого поколения всегда остается актуальной². Актуальность про-

* Первую статью «Личность в истории: эволюция взглядов» см.: История и современность. – 2010. – № 2. – С. 3–44.

¹ Эту мысль высказывал, в частности, К. Поппер.

² К. Каутский (1931: 690) справедливо замечал, что «меньше всего мы можем игнорировать роль отдельных личностей в борьбе современности».

блемы роли личности в современный нам период – период глобализации, когда закладываются общие принципы и механизмы жизни для всего человечества как по-настоящему единой системы, – также предстает в новом аспекте значимости.

РАЗДЕЛ I. РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ НА РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В XX–XXI ВВ.

1. ПОДЪЕМ ИНТЕРЕСА К ПРОБЛЕМЕ РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Несомненно, что: а) имеется много факторов и причин, которые определяют степень влияния исторических деятелей на общество; б) это влияние может сильно колебаться в зависимости от обстоятельств. В начале XX в. это стали понимать более глубоко. Нарастание революционного движения, Первая мировая война и последовавшие за ней революции и диктатуры создали почву для подъема социальной философии и социальных наук в целом. Проблемы законов истории и случайностей, а также личности в разных аспектах также были в числе актуальных³. Особенно стимулировало интерес появление новых деятелей, сумевших изменить мир. Фигуры Ленина, Троцкого, Сталина, Муссолини и Гитлера, перевернувших все привычные представления о государстве, обществе, насилии и возможностях исторического деятеля, потребовали по-новому взглянуть на проблему роли личности. Вот почему наибольшие успехи в разработке теории роли личности были достигнуты не в марксизме, среди представителей которого эти проблемы продолжали исследоваться (например: Троцкий 1932 [Trotzky 1980], Каутский 1931, Грамши 1991 [1929–1935])⁴, так как над марксизмом довлела догма железных законов истории, а среди тех, кто был обеспокоен будущим демократии. Я прежде всего имею в виду работу Сидни Хука, о которой необходимо сказать отдельно.

³ Росту интереса к проблеме роли личности способствовал также подъем психологии и генетики. Достижения последней для сравнения наследственных и социальных факторов в формировании выдающихся людей использовал, в частности, У. Огборн (Ogburn 1926).

⁴ Тем не менее два последних внесли определенные ценные дополнения в этот вопрос (см. ниже).

Книга С. Хука «Герой в истории. Исследование пределов и возможностей» (Hook 1955 [1943]) стала заметным шагом вперед в развитии проблемы и до сих пор является наиболее серьезным произведением на исследуемую тему. В целом Хук вполне доказательно и местами весьма образно обосновал ряд важных положений, которые позволяли в существенной мере уйти от крайностей плехановской антиномии⁵. В рамках поставленной подзаголовком книги задачи – исследовать пределы и возможности роли личности (*A Study in Limitation and Possibility*) – он рассматривает силу влияния великих людей и некоторые сдерживающие его факторы. В главе 6 Хук отмечает, что, с одной стороны, деятельность личности действительно ограничена обстоятельствами среды и характером общества, но с другой – роль личности существенно повышается до состояния, когда она становится независимой силой, – когда в развитии общества появляются альтернативы (Hook 1955: 116). При этом он делает важный вывод, что в такой ситуации от качеств личности может зависеть и выбор альтернативы.

Однако альтернативы имеют место при любом состоянии общества (например, вести или не вести войну, поощрить или нет инновацию⁶). К сожалению, Хук не дает типологию таких альтернатив и соответствующих им моделей возможностей личности. А последние – как мы увидим ниже – существенно отличаются при разных состояниях общества. В частности, в состоянии прочности общества роль личностей меньше, а в условиях нестабильности – выше. Тем не менее хотя Хук и не связывает наличие альтернатив с

⁵ Плеханов писал, что столкновение взглядов по вопросу о роли личности часто принимало вид «антиномии, первым членом которой являлись общие законы, а вторым – деятельность личностей. С точки зрения второго члена антиномии история представлялась простым сцеплением случайностей; с точки зрения первого ее члена казалось, что действием общих причин были обусловлены даже индивидуальные черты исторических событий» (Плеханов 1956: 331). Подробнее о попытках уйти от ограничений этой антиномии см. в статье 1 (Гринин 2010).

⁶ Так, общеизвестно, что Колумб обращался к нескольким государям, прежде чем получил согласие от Изабеллы Кастильской. Подобный пример с Фултоном, изобретателем парохода, который обращался с предложением к Наполеону, разбирает и Хук (Hook 1955: 124–125) со ссылкой на: Oman 1942: 155.

состоянием общества, однако он имплицитно предполагает, что наибольшее влияние личность может оказать именно при нестабильности. Вот почему ряд приведенных им примеров выбора альтернатив касается наиболее драматических моментов (революций, кризисов).

Не противопоставляет Хук и ситуации, когда: а) альтернативы появляются в результате кризиса; б) они могут стать итогом планов, намерений и действий выдающегося человека в отсутствие выраженного кризиса. Это абсолютно разные ситуации. В первом случае роль личности выглядит меньшей, чем во втором, поскольку в ситуации кризиса на общественной сцене неизбежно появляется целый ряд альтернативных личностей, готовых предложить свой план изменений (см. ниже), а во втором – этого не происходит⁷.

О второй ситуации, однако, Хук практически ничего не говорит. Между тем примеры, подобные деятельности Петра I в России, требуют особого внимания. Петр начал радикальные преобразования при отсутствии угрожающего его власти кризиса. Мало того, именно его реформы создали в стране ситуацию кризиса, приведшего к восстаниям и заговорам против него. Отсюда следует, что есть не очень частые, но время от времени возникающие исторические ситуации, когда при совпадении ряда условий выдающийся человек может сам выбрать курс и тем самым создать альтернативу развития. Условия эти следующие: а) появление выдающегося человека с нужным набором качеств и достоинств; б) сосредоточение в его руках большой власти; в) государственный и социальный строй в обществе, который позволяет правителю коренным образом менять общественные отношения; г) наличие внешнего вызова со стороны других государств; д) возможность заимствовать передовые технологии (но это условие требуется

⁷ При этом именно ситуации первого типа формировали представления, характерные для детерминистов, что не появившись вовремя определенная личность, ее вполне бы заменила другая. А вторые ситуации давали повод просветителям и представителям героического направления считать, что герои творят историю сами из себя (см. подробнее об обоих подходах в статье 1 [Гринин 2010]).

только для модернизирующихся стран, какой выступала Россия в конце XVII – начале XVIII в. при Петре I).

В главе 9 Хук делает важное различие между историческими деятелями по степени их воздействия на ход истории, деля их на людей, влияющих на события (*eventful man*), и людей, создающих события (*event-making man*). Хотя Хук четко не разделяет личности по объему их влияния (на отдельные общества, на человечество в целом), тем не менее Ленина он относил к людям, создающим события, поскольку в определенном отношении тот значительно изменил направление развития не только России, но и всего мира в XX в.

Хук справедливо придает большое значение случайностям и вероятностям в истории в их связи с ролью личности (здесь его позиция близка, например, позиции Р. Арона – см. ниже). В то же время он резко выступает против попыток представить всю историю как волны случайностей (как пытался сделать, в частности, Фишер [Fisher 1935, I: vii]). Небезынтересными выглядят и его рассуждения об упущенных шансах истории, когда отсутствие нужной личности (или присутствие той, которая не воспользовалась шансом) вело к потере возможности пойти по иному пути. Исторический процесс представляется ему стволом дерева, от которого идут постоянные развилки веток, способные дать собственный ствол.

В работе Хука много достоинств, но она бы существенно выиграла, если бы в ней автор в каком-либо месте (введении или заключении) кратко, но в системе изложил свои идеи. Это было бы тем более ценно, что его концепция имеет пробелы. Некоторые разделы книги Хука чрезмерно многословны, но недостаточно теоретичны, другие положения автор формулирует фрагментарно, часто ограничивается только попутными комментариями или намеками. Так, проблема героя и демократии проанализирована очень тщательно, в то же время ряд важных тем – недостаточно, другие лишь упоминаются или не затрагиваются вовсе (соответственно, например, от каких объективных условий, помимо наличия альтернатив и политического режима, зависит сила влияния личностей; почему в некоторые эпохи великих людей много, а в другие – мало; при

каких условиях личность может изменить не только ход развития государств, но и мира в целом).

2. УМЕНЬШЕНИЕ ИНТЕРЕСА К ПРОБЛЕМЕ РОЛИ ЛИЧНОСТИ

К сожалению, после Второй мировой войны интерес к проблеме роли личности снизился. Недостаточным остается он и сегодня, несмотря на особую важность в условиях глобализации действий отдельных личностей и сил (групп), ими возглавляемых. Естественно, дело было не в том, что уменьшилась сама роль личности. В целом в мире дело обстоит и обстоит сегодня противоположным образом. Судьбы (подъемы и трагедии) многих стран были тесно связаны с теми или иными личностями⁸. Даже международный терроризм немыслим без выдающихся лидеров. Правда, в центре Мир-Системы, где демократия не благоприятствует появлению выдающихся людей, а общественная система с ее разделением властей, сдержками и противовесами, возможно, достигла максимума в возможностях обеспечивать стабильность и безопасность, действительно, роль личности проявлялась слабее, что не могло не влиять на снижение интереса к указанной проблеме⁹.

Причинами уменьшения интереса к проблеме роли личности является также то, что в последние десятилетия в целом вопросы философии и теории истории стали малопопулярны. А вместе с этим перестают быть востребованными и традиционные философские проблемы. В то же время вырос интерес к долгосрочным тенденциям и процессам, в которых роль личности как будто теряется (хотя это и далеко не всегда так)¹⁰.

⁸ Возьмите того же Дэн Сяопина в Китае, А. Насера в Египте, М. Сухарто в Индонезии, А. Пиночета в Чили, М. Горбачева в СССР, С. Милошевича в Югославии и т. д., и станет очевидно, что при других лидерах процессы могли бы пойти по-другому.

⁹ Но попутно отметим, что если в западных странах не появятся действительно выдающиеся лидеры, то «закат Запада» может стать необратимым процессом.

¹⁰ См., например, о смещении такого интереса от личностей и их действий к экономическим факторам глубинной структуры и долговременным процессам социальных перемен, начиная со школы «Анналов»: Carr 1996.

Однако поскольку социальная наука традиционно отстает от реальности, вполне вероятно, что в ближайшие десятилетия, по мере нарастания глобализации и потребности в выработке общих решений, а вместе с этим влияния, которое могут оказать те или иные деятели на судьбы мира, проблема роли личности вновь станет актуальной.

После выхода книги Хука исследование проблемы роли личности в истории, разумеется, не прекратилось, но работа в основном шла в русле уже имеющихся теорий с привлечением новых научных методов и данных. Традиционно больше внимания уделяли этой проблеме марксистские авторы либо некоторые активные противники марксизма, пытающиеся создать на его же базе альтернативные ему теории¹¹. С другой стороны, очень часто звучала критика детерминизма (см., например: Мизес 2001 [1957]), иногда весьма остроумная и глубокая, как, скажем, у Арона (1993а; 1993б; 2000; 2004), см. ниже. В целом же, подобно некоторым другим традиционным проблемам (например, исследованию среднесрочных экономических циклов), проблема роли личности рассматривалась в рамках каких-то иных проблем, в лучшем случае ей уделялся отдельный параграф (как в книге Мизеса, см.: Мизес 2001 [1957]). Пожалуй, в наибольшей степени (хотя и в абсолютно противоречащей традициям историографии форме) проблема роли личности исследуется в так называемой контрфактуальной, или альтернативной, истории (см. ниже).

3. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ

В последние несколько десятилетий их можно проследить в следующем:

¹¹ Среди последних можно указать, например, известного польского философа Л. Новака. В своей статье «Класс и личность в историческом процессе» (2009) Новак пытается анализировать роль личности через призму новой теории классов в рамках созданного им немарксистского исторического материализма. Новак полагает, что сама по себе личность как индивид не способна значительно повлиять на ход исторического процесса, если эта личность не находится на пересечении с какими-то иными факторами-параметрами исторического процесса.

3.1. Рассмотрение вопроса о роли личности в составе общей теории движущих сил истории и законов истории и других исследований

Среди авторов, которые достаточно активно исследовали проблемы законов истории, следует отметить таких философов, как У. Дрей (Dray 1963; Дрей 1977), К. Гемпель (Hempel 1963; Гемпель 1977; 1998), М. Мандельбаум (Mandelbaum 1963), Э. Нагель (Nagel 1961; Нагель 1977), К. Поппер (1992, например гл. 25 «Имеется ли история какой-нибудь смысл»), Ф. Штерн (Stern 1964), У. Уолш (Walsh 1992)¹². В ходе этих исследований они в какой-то мере (в целом достаточно бегло и фрагментарно) касались и вопроса о роли личности в истории, но круг обсуждения не выходил за рамки детерминизма и антидетерминизма.

В XX в. стало окончательно ясно, что общество может находиться в разных качественных состояниях, от чего зависят многие его характеристики. Отдельные интересные замечания о различиях в силе влияния личностей в разных по стабильности состояниях обществ (устойчивых и переломных неустойчивых) можно найти у А. Лабриолы (1960: 182–183), Дж. Неру (1977: 71), А. Я. Гуревича (1969: 68) и др. (с других позиций этот же аспект затронут и у отдельных сторонников синергетического подхода, см. ниже). С. Хук, как мы видели выше, хотя и не связывал изменение силы влияния личности на общество с состоянием последнего, тем не менее рассматривал в качестве важнейшего условия наличие альтернатив, что нередко – но далеко не всегда – соответствует и неустойчивому состоянию общества.

Общеизвестна роль выдающихся людей в процессе образования государств, создания религий, цивилизаций; в культуре, науке, изобретениях и т. п. В этой связи стоит указать на теорию творче-

¹² Между некоторыми из них в конце 50-х – начале 60-х гг. шли дискуссии о законах истории. В рамках этих дискуссий высказывались и некоторые мысли о роли личности (в частности, о мотивах поступков исторических деятелей и соотношении мотивов и результатов). Часть наиболее интересных статей, например У. Дрея, К. Гемпеля, М. Мандельбаума, – что, конечно, неудивительно – была опубликована в сборнике под редакцией Сидни Хука (Hook 1963). Часть этих обсуждений была опубликована на русском языке в работе «Философия и методология истории» (Кон 1977).

ского меньшинства А. Тойнби (1991). Можно также сказать, что у некоторых неозволюционистов иногда проскальзывают отдельные интересные идеи о роли личностей в процессе образований вожеств и государств (Claessen 2002; Carneiro 2002; Miller 1976; см. также: Grinin 2004).

Вопрос о роли отдельных деятелей в процессе образования государств и их эволюции является исключительно интересным и важным, он превосходно иллюстрирует важность разработки теории роли личностей. При этом стоит заметить, что у истоков образования почти любого раннего государства или крупного политического образования типа аналога раннего государства (см.: Гринин 2006; 2011) всегда стоит та или иная выдающаяся личность¹³. Дело в том, что образование государства или иной сложной политики всегда есть процесс качественного перехода от одного состояния общества к другому, поэтому здесь требуются выдающаяся энергия и особые качества лидеров. Без них процесс не может совершиться. Достаточно указать на такие примеры, как объединитель гавайских вожеств Камеамеа I, Хлодвиг в королевстве франков, Мухаммед у арабов, Модии у хунну или Чингисхан у монголов. Сказанное касается и эволюции государства. Переход государства к новой эволюционной стадии (например, развитого государства) обычно связан с наличием выдающегося лидера, каким были, например, Цинь Шихуанди в Китае, Иван Грозный в России, Людовик XI во Франции, Мухаммад Али в Египте и др. Без них процесс обычно не завершается или завершается гораздо позже. А наличие таких лидеров отнюдь не является правилом, свидетель-

¹³ Особенно наглядно это видно в процессе достаточно редких случаев образования государств у кочевников, поскольку объективных условий для этого у них меньше, чем у оседлых культурных земледельцев. Даже крупные политики складывались у кочевников только несколько раз за всю историю, а Монгольскую империю и вовсе нужно рассматривать как исключительный случай (Barfield 1991: 48), который не реализовался бы без личности самого Чингисхана. С другой стороны, мы видим, что для успеха и особенно для институционализации ситуации образования государства одной энергии и выдающихся качеств недостаточно. Так, пример Маробода, Арминия или Ариовиста у германцев в I в. н. э., создавших довольно мощные в политическом и военном отношении политии (см. подробнее: Гринин 2011: 256, 286), показывает, что иногда такие лидеры способны, благодаря своим качествам и умению использовать обстановку, создать крупные политические образования. Но если нет более глубоких условий для существования государства, такие союзы распадаются.

ством чему служит, например, Германия в Новое время, которая вплоть до 1870 г. так и не нашла в себе силы объединиться. И в любом случае германское объединение произошло с помощью такой выдающейся фигуры, как О. Бисмарк.

3.2. Привлечение методов и теорий междисциплинарных направлений

В 50–60-е гг. XX в. окончательно сформировался **системный подход** (см., например: Bertalanffy 1951; Берталанфи 1969а; 1969б; Mesarović 1964; Jones 1969; Боулдинг 1969; Эшби 1969), который потенциально открывал возможность по-новому взглянуть на роль личности. Но более важными оказались синергетические исследования. Хотя синергетики уделили проблеме роли личности немного внимания (в качестве исключения можно отметить Л. И. Бородкина, например: 2002), тем не менее благодаря тому, что синергетика в ряде отношений существенно развила и углубила понимание поведения систем, это также потенциально открыло некоторые возможности для углубления понимания роли личности.

Говоря очень схематично, синергетика различает два главных состояния системы (в том числе общества): порядка и хаоса. В состоянии порядка общество не позволяет существенной трансформации, если оно развивается, то в определенном направлении, в терминологии Н. Н. Моисеева (1987), в «канале эволюции». Несмотря на негативные ассоциации, хаос часто означает возможность для системы перейти в другое состояние, которое может означать как более высокий, так и более низкий уровень¹⁴. Поскольку система/общество находится в очень неустойчивом положении, когда основные прежде скрепляющие ее связи/институты ослаблены или разрушены, возникает особое состояние – бифуркация (развилка). В точке бифуркации (революции, войны, перестройки и т. п.) общество может повернуть в ту или иную сторону

¹⁴ Правда, есть эпохи запрограммированного хаоса, например феодальной раздробленности и междоусобиц, межобщинной «войны всех против всех», как в доколониальный период у папуасов (Бутинов 1968; 2000), которые ничего нового не рожают и не выводят общество на новое состояние (при том что временами те или иные заметные личности там выделяются). Такой же хаос может быть в состоянии «дикого капитализма». Для проявления личности наиболее продуктивными выступают состояния, говоря языком Й. Шумпетера (1982; Schumpeter 1939), творческого разрушения.

под влиянием совсем незначительных в целом причин. И важно, что направление и уровень перехода в большой степени зависят от того, какие личности стоят во главе движения¹⁵.

3.3. Контрфактуальная история

Достаточно активно, особенно в последние десятилетия, развивается так называемая контрфактуальная (или альтернативная) история, которая исследует гипотетические альтернативы при несуществующих сценариях, например при каких условиях Германия и Гитлер могли выиграть Вторую мировую войну (Alexander 2000), что было бы, если бы Черчилль умер в 1931 г. (Murray 2000), Наполеон выиграл битву при Ватерлоо (Trevelyan 1972 [1932]; Carr 2000) и т. п. Таким образом, в центре этого направления исследования часто стоит фигура какого-нибудь крупного исторического деятеля и обсуждается важный для нашего исследования вопрос: что было бы, если бы не было той или иной личности (или, наоборот, если бы она продолжала жить). Хотя на первый взгляд такие исследования кажутся неподходящими для историков, тем не менее они позволяют проигрывать много разных альтернативных сценариев, из которых, во-первых, становится очевидно, что исторические события непредзаданны, а во-вторых, лучше проясняются причины, по которым та или иная тенденция (олицетворяемая тем или иным лидером) победила. Это также дает возможность для масштабных обобщений.

Первые работы в этой области были сделаны еще в XIX в., такова, например, книга Л.-Н. Жоффруа-Шато (Geoffroy-Chateau 1836), где в центре внимания гипотеза о том, что могло бы произойти, если бы Наполеон вместо России пошел завоевывать мир. Сидни Хук придавал большое значение исследованию таких потенциальных альтернатив, которые, по его мнению, имеют глубокий смысл. Он даже посвятил этому целую главу, так и названную – «“Если” в истории» (“If in History” [Hook 1955: ch. VII]). В ней он обсуждает целый ряд таких «если», в частности задается вопросом,

¹⁵ В связи с вышеизложенным даже попутное высказывание Ильи Пригожина о том, что при наличии разных личностей одни и те же социальные и исторические механизмы могут породить другую историю (см.: Пригожин, Стенгерс 2005: 50), представляется методологически интересным.

можно ли было предотвратить Великую депрессию, если бы в 1928 г. президентом был избран не Гувер, а Рузвельт (и приходит к выводу, что нет). Стоит упомянуть и две работы на подобные темы А. Тойнби: «Если бы Александр не умер тогда...», «Если бы Филипп и Артаксеркс уцелели...» (Тоунбее 1969а; 1969b; Тойнби 1979; 1994)¹⁶. Недавно с интересной статьей на эту тему выступил У. Томпсон (Thompson 2010).

РАЗДЕЛ II. АВТОРСКИЕ ПОДХОДЫ: МОДЕЛИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Анализ состояния проблемы роли личности в истории показывает, что она далека от своего окончательного решения, что данный уровень ее исследования абсолютно недостаточен и нуждается в углублении и систематизации, а также в новых идеях.

В этой связи предложенная ниже авторская теория может способствовать продвижению в данном направлении. В ней представлен подход к проблеме роли личности в истории, в котором максимально синтезированы идеи, выработанные в процессе исследования этой проблемы, и предложены решения, процедуры и понятия, которые позволяют сделать анализ роли личности более операциональным, в том числе показать, в каких именно периодах, как и почему роль личности возрастает, а в каких – уменьшается (см. также: Гринин 1997; 2007; 2008; Grinin 2007; 2008; 2010; Гринин, Коротяев, Малков 2010).

1. ОБЩИЕ ПОДХОДЫ

1.1. Диалектические трудности проблемы и план подхода к ее решению

Как мы видели, проблему роли личности в рамках указанной Г. В. Плехановым антиномии разрешить оказалось невозможным, поскольку частичная правота есть и в одном, и в другом подходе. С детерминистских позиций, то есть если признавать реальной некую внеисторическую силу (бога, судьбу, «железные» законы и т. п.), вполне логично считать личности орудиями истории, благодаря которым просто реализуются уже имеющиеся потенции

¹⁶ Опубликовано как приложение к книге: Тоунбее 1969с.

или – более того – изначально предначертанная программа. Однако, как мы видели, рассуждения детерминистов в целом не выдерживают критики. В истории слишком много вещей и явлений персонифицировано, и потому нередко роль личности оказывается исключительно значимой. «Роль личностей и случайностей в исторических событиях является первым и непосредственным элементом», «...тот, кто утверждает, будто индивидуальное историческое событие не было бы иным, если бы даже один из предшествующих элементов не был тем, чем он в действительности был, должен доказать это утверждение», – справедливо говорит Реймон Арон (1993б: 506; см. также: Он же 2000: 428)¹⁷.

В то же время невозможно игнорировать, что роль личности определяется множеством разных причин, в том числе общественным устройством и особенностью ситуации; нельзя не видеть, что в одни периоды (нередко длительные) мало выдающихся людей, в другие, короткие, но бурные, – целые когорты; нелепо не признавать, что люди титанического склада часто терпят неудачу, а ничтожества могут оказать гигантское влияние. Очевидно, что значение деятеля зависит далеко не только от его личных качеств, но и от всей обстановки, в которой он действует, и поэтому карлейлевское изречение: «История мира – это биография великих людей» (Карлейль 1994) – не дает ключа к ответам на данные вопросы. Гегель не без основания утверждал, что только «кажется, что герои творят сами из себя и что их действия создали такое состояние и такие отношения в мире, которые являются лишь их делом и их сознанием» (Гегель 1935: 29). Но, с другой стороны, именно действия лидеров (а иногда даже и некоторых рядовых людей) определяют исход противоборства и судьбу разных тенденций в критические периоды. Словом, приходится признать, что в некоторых случаях без той или иной личности (либо при наличии другой личности) ход истории действительно изменился бы, а в других ситуациях – едва ли. Но и «средний взгляд», что личность одновременно и причина, и продукт исторического развития (Раппопорт

¹⁷ В другой книге Арон замечает по этому же поводу: «Признаться, я мало чувствителен к ретроспективному доказательству того, что происшедшее не могло быть иным» (Арон 1993а: 181).

1899: 47), как мы видели, не разрешает проблему достаточно удовлетворительно и тем более глубоко.

Вопрос о роли личности длительное время принадлежал к группе таких проблем философии, которые были построены, так сказать, в абсолютном плане и потому требовали абсолютного и однозначного ответа. Научное же решение проблемы нуждалось в переходе от абстрактного уровня к более конкретным выводам и методикам (то есть от решения вопроса по принципу «или – или» к решению по принципу «если ...то», «при таких-то условиях – так-то» и т. п.). Эта работа была начата в конце XIX в. и продолжена в первой половине XX в. (Г. В. Плехановым, У. Джеймсом, А. Лабриолой, Х. Раппопортом, Н. И. Кареевым, С. Хуком и др.). Но она обычно останавливалась на первом-втором этапах таких методик. А главное, задача разработки данных методик четко практически не ставилась. Проиллюстрируем это на примере мысли Г. В. Плеханова. Он пишет, что роль личности и границы ее деятельности определяются организацией общества, и «характер личности является “фактором” такого развития лишь там, лишь тогда и лишь постольку, где, когда и поскольку ей позволяют это общественные отношения» (Плеханов 1956: 322). В этом немалая доля истины. Однако каковы пределы возможностей личности, если общественные отношения позволяют ей становиться «фактором такого развития»? Ведь если характер общества дает простор произволу (случай в истории очень распространенный), то плехановское положение не работает. В такой ситуации развитие нередко становится очень зависимым от желаний и личных качеств правителя или диктатора, который и станет концентрировать силы общества в нужном ему русле.

На первом этапе анализа, мы полагаем, методологически верным будет представить вопрос о роли личности как частный (хотя и весьма специфический) случай проблемы движущих сил исторического развития, что даст возможность точнее учесть взаимосвязь всех исторических сил, не вырывая личные побуждения из общего ис-

торического контекста¹⁸. В рамках теории движущих сил (см.: Гринин 2007) личность выступает одной из важнейших среди них. Но она действует в совокупности с ними и в зависимости от их значения увеличивает или ослабляет собственную значимость (и наоборот, ее значимость увеличивают или ослабляют другие факторы). На последующих этапах мы попытаемся проанализировать и систематизировать причины и обстоятельства, которые усиливают или ослабляют значение деятелей, включая особенности исторического времени и конкретного момента.

Следующий шаг анализа – сформулировать общий принцип, хотя и достаточно растяжимый, но все же очерчивающий круг поиска решений. *В зависимости от самых разных условий и обстоятельств, с учетом особенностей исследуемого общества, времени и индивидуальных черт личности ее историческая роль может колебаться от самой незаметной до громаднейшей.* Эта идея позволяет найти соприкосновение для разных точек зрения и привести их как бы к общему знаменателю. Но указанный общий принцип необходимо теоретически развернуть с соблюдением нужных правил соответствия и процедур и конкретизировать. Это и составит дальнейшие этапы нашего исследования.

1.2. О типологии ролей в истории. Кого можно считать выдающейся личностью

Прежде всего необходимо уточнить, о какой роли в принципе идет речь. Как мы видели, ее очень долго сводили лишь к прогрессивному (или отрицательному) влиянию. Но этого явно недостаточно. Вероятно, стоило бы наметить типологию «ролей». В нашем понимании эта типология такова:

1. По времени воздействия: в момент совершения действия или позже, но при жизни деятеля; после смерти или даже много лет спустя после смерти.

¹⁸ «Полное понимание любой социальной ситуации и ее возможных последствий предполагает знание не только основных моментов социальной структуры... но и основных моментов личностей, функционирующих в этой структуре», – считает А. Инкельс (1972: 53).

2. Близко к «1» – непосредственная и опосредствованная. Так, в отношении Октябрьской революции Ленин играет непосредственную, а Маркс – опосредствованную роль.

3. По самому факту отсутствия или наличия личности. Например, отсутствие наследника у русского царя Федора Ивановича (1584–1598) привело к прекращению династии московских царей, избранию Бориса Годунова царем, появлению самозванца Лжедмитрия I в 1604 г. и Смутному времени; и, напротив, уже только сам факт существования избранного народом царя Михаила Романова в 1613 г., хотя и бездеятельного в первое время, сильно изменил политическую ситуацию.

4. Близко к «3» – активная или пассивная. Например, посаженный в тюрьму в конце XIX в. (в 1894 г.) во Франции по обвинению в шпионаже офицер еврейской национальности Альфред Дрейфус сам играл пассивную роль, но дело Дрейфуса вылилось в крупнейший политический скандал, который расколол Францию в 1890-е и в начале 1900-х гг. едва не вызвал раскол страны.

5. Планируемая – непланируемая. Это важно, так как множество влияний никем не планировалось и даже не предполагалось, но часто именно они и являлись наиболее значимыми.

6. По наличию или отсутствию выбора. Иногда главное – сделать нечто, поскольку всем ясно, что надо делать, но нет нужной фигуры. Так, россияне в 1610–1611 гг. знали, что нужно прогнать поляков из Москвы, но сделать это смогли только Козьма Минин и Дмитрий Пожарский. Такова же роль Жанны д'Арк. В других ситуациях главное – определить путь развития.

7. По роду деятельности, поскольку то, что для одних сфер жизни благоприятно, для других – нет.

8. По прогрессивности – реакционности. При прочих равных условиях все же можно сказать, что отрицательную роль сыграть проще, чем положительную, и нередко, чтобы помешать, не допустить, довести до кризиса и т. п., не нужны никакие способности, тогда как для создания чего-либо нового они почти всегда нужны. Так, понятие выдающейся личности чаще применялось к личностям, играющим отрицательную роль, но среди них было немало

тех, кого, используя термин Хука, можно отнести к людям, влияющим на события.

9. По степени новаторства.

10. По заменимости персон. Такие фигуры, как Цезарь или Наполеон, были незаменимы, но, например, можно ли отнести к этой категории прусского генерала-фельдмаршала фон Блюхера, победителя Наполеона?

11. Совершенные индивидуально, в рамках организации, государства.

12. Другие.

Конечно, мы перечислили не все типы «ролей». Кроме того, реальный деятель может играть не одну роль, а сразу несколько. Для каждого типа или их комбинации при анализе желательно определить их особенности, благоприятные или неблагоприятные моменты.

Из данного перечня ясно, что уровень интеллекта, дарований и персональных, в том числе моральных, качеств исторических деятелей имеет огромную амплитуду, то есть речь не должна идти – что было характерно для писателей прежнего времени – только о гениальных или очень талантливых людях. Даже С. Хуку, который совершенно недвусмысленно и правомерно развенчивает образ навязанного традицией «героя в истории» или «великого человека» как фигуры, полной моральных и интеллектуальных достоинств, полностью уйти от такого образа не удастся. Между тем, если рассматривать лишь результат действия/бездействия исторических акторов безотносительно к их индивидуальным способностям и целям, тогда вместе с К. Каутским уместно сказать, что «под такими выдающимися личностями не обязательно нужно подразумевать величайших гениев. И посредственности, и даже стоящие ниже среднего уровня, а также дети и идиоты могут стать историческими личностями, если им попадает в руки большая власть» (Каутский 1931: 687). К сожалению, как заметил еще Н. Макиавелли, далеко не всегда роль личности пропорциональна интеллектуальным и моральным качествам самой этой личности.

Мой подход относительно того, кого считать «исторической личностью», в самом обобщенном виде выглядит так: *благодаря своим личным особенностям, или случаю, или общественному по-*

ложению, или специфике времени какой-либо человек может оказать самим фактом своего существования, своими идеями, действиями или бездействием, прямо или косвенно, при его жизни или в период после смерти такие воздействия на свое или чужие общества, которые можно признать важными, поскольку они оставили заметный след в истории и повлияли на ход дальнейшего развития обществ (положительно, отрицательно или однозначно не определяемо).

О различении выдающихся и обычных личностей. Как мы видели, в качестве реакции на резкое противопоставление творческой личности и инертной массы¹⁹ социологи и философы конца XIX – первой половины XX в., например Михайловский (1998 [1882]), Кареев (1890; 1914), Каутский (1931: 696) и др., сделали поворот в другую сторону. Согласно их взглядам, границы, по которым можно разделять выдающихся личностей и массы, оказались полностью размыты. В частности, стало модным, особенно среди марксистов, утверждать, что историю делают все индивидуумы, а не только отдельные выдающиеся личности (Каутский 1931: 696). Но при некоторой ограниченной справедливости такого подхода в целом он – в рамках рассматриваемой проблемы – не учитывает принципиальные различия в степени и силе влияния на события разных людей (см. также: Nowak 2009). Да, формально историю делают все индивидуумы. Но есть ли смысл говорить о выдающихся личностях, если приравнять их к самым рядовым? Как правило, роль обычного человека не просто мала. Его влияние или гасится иными воздействиями, или включается в общую силу (в огромной мере помимо или вопреки его воле). А если его поступок стал важным в каком-либо роде, то этот человек уже перестает быть рядовым. Таким образом, мы считаем, что существует некая критическая точка воздействия личности на общество, за которой только это воздействие и становится заметным. Но, конечно, методика определения этой точки представляет сложности, как и при любом диалектическом процессе.

¹⁹ Идея эта, разумеется, имеет под собой определенное основание, например, она нашла своеобразное преломление в концепции творческого меньшинства А. Тойнби (1991).

1.3. Некоторые факторы, изменяющие масштаб влияния исторических деятелей

1) В ситуациях, где может быть только одно-единственное лицо (например, монарх, наследник, главнокомандующий), или там, где это лицо определяет каноны (создатель или реформатор ортодоксальной религии, как Мухаммед, Лютер, Кальвин), роль этой личности гораздо выше, чем в ситуациях, где допускаются альтернативные варианты (в науке, культуре, изобретательстве и пр.), и тем более там, где какой-либо деятельностью занимаются много людей²⁰. Так, в бизнесе всегда имеются выдающиеся люди. Но мало о ком из них можно сказать, что его роль в национальном и тем более мировом плане такова, что без него развитие экономики пошло бы совсем иным путем, что так или иначе, пусть хуже или позднее, его не заменили бы другие бизнесмены.

2) Демократический строй по сравнению с монархическим, с одной стороны, дает возможность проявить себя гораздо большему числу людей, с другой – уменьшает зависимость развития от личности («благодетеля») и оберегает от чрезмерно вредного влияния. Однако великие реформаторы в демократиях будут встречаться реже, чем в монархиях (об этом см.: Hook 1955: ch. XI).

3) Есть ситуации, когда ощущается дефицит личностей и приход личности вовремя равносителен крайнему усилению тенденции. Но может быть и наоборот – существует конкуренция, и хотя кто-то может сделать лучше или быстрее, но в общем плане это не столь важно, поскольку разница во времени и в качестве будет не слишком большой²¹.

²⁰ Как бы ни был велик тот или иной ученый, но если наука допускает параллельные исследования, критику и свободу мнений, роль личности здесь будет намного меньше, чем в выработке догматов веры при монополии одного течения. Речь идет, конечно, о нормальной науке. Иное дело, если ученый выступает революционером – ниспровергателем авторитетов (Коперник, Бруно, Галилей и др.).

²¹ Для определения приоритета, скажем, изобретателя или ученого срок определяется порой уже не в годах и месяцах, а в днях и даже часах. Знаменитая история тяжбы между Александром Беллом и Элишей Греем о приоритете изобретения телефона служит хорошим примером. Заявка на патент Белла на телефон и протест против этой заявки Грея были поданы в тот же самый день – 14 февраля 1876 г., с разницей во времени в несколько часов.

Общий вывод: *чем меньше альтернатив и реальных возможностей у общества для выбора или замены личности (меньше реальной конкуренции за место лидера) и чем ответственнее положение данной личности в общественной иерархии, тем важнее ее роль и тем больше зависит общество от ее личных данных при критических обстоятельствах.*

1.4. Личность и масса

Н. К. Михайловский и К. Каутский верно уловили социальный эффект: сила личности возрастает в колоссальных размерах, когда за ней идет масса, и тем более, когда эта масса организована и сплочена. В этом случае, по справедливому замечанию Плеханова, личность как бы приписывает себе часть сил других. Но диалектика взаимоотношения личности и массы все же существенно сложнее, и мы видим здесь большое разнообразие ситуаций: от той, когда массы представляют инертное население, с которым начальство может делать все, что захочет, до той, когда руководитель выступает только выразителем настроений слоя (массы) и не может шагнуть без желания массы (такова была, например, зависимость короля от шляхты в Польше XVIII в.).

Можно, в частности, отметить ситуацию **исторического вождизма**, когда какой-либо деятель призывает всех, любого встать под его знамена. Ему не важно, кто именно это будет, тут нет ни-каких ограничений, лишь бы было побольше приверженцев. Таковыми бывают проповедники, честолюбивые политики (вроде Катилины в Риме), бунтари и т. п. Такие бунтари нередко появляются в сложные для страны моменты (в том числе и в демократиях при выборах), пытаясь объединить всех недовольных.

Возможность резкого возрастания силы того или иного движения в условиях кризиса и недовольства зависит не только от объективных условий, но в прямой пропорции связана со способностью лидеров сделать правильные шаги, адекватно понять ситуацию, овладеть ею. Тогда бывает, что от особенностей руководителя во

Но порой короткий срок крайне важен, поскольку колоссальное значение приобретает именно то, кто первый что-либо сделает. Так, если бы атомную бомбу первой создала Германия, а не США, это могло бы иметь серьезные последствия.

многом зависит, куда повернет эта общая сила. Так же случается, когда массы растеряны или инертны²².

В ситуациях устойчивости в обществе династия, государственный аппарат, элиты и партии обычно имеют замену лидерам, когда те умирают, дискредитируют себя или приходит срок выборов. Это характерно для монархии при правильной передаче власти («Король умер, да здравствует король!») и для развитой демократии – словом, для устоявшегося режима²³.

Сравнивая роль масс и личностей, мы видим: на стороне первых – численность, масштаб, эмоции, отсутствие персональной ответственности. На стороне вторых – осознанность, цель, воля, план. Поэтому можно сказать, что *при прочих равных условиях роль личности будет наибольшей тогда, когда преимущества и масс, и лидеров соединятся в одну силу*. Оттого расколы так уменьшают мощь организаций и движений, а наличие соперничающих лидеров может вообще свести ее к нулю.

Особо отметим роль лидеров и личностей в ситуации резкого столкновения различных политических, военных или социальных сил. Как подчеркивал А. Грамши (1991 [1929–1935]: 165), «в действительности можно “научно” предвидеть только борьбу, но не ее конкретные моменты, являющиеся результатами постоянного движения противоположных сил, которые никогда нельзя свести к фиксированному количеству, поскольку в этом движении количество постоянно превращается в качество». Поэтому роль лидера в такой ответственный момент (сражение, выборы и пр.), степень его соответствия роли имеет, можно сказать, определяющее значение, поскольку «само сложное переплетение антитетических условий приводит к тому, что в критические моменты определенные личности,

²² «Мы знаем, что кучка лидеров может принудить свою нацию к определенному курсу действий» (Миллз 1972: 83).

²³ Напротив, при отсутствии системы передачи власти в монархии смерть монарха часто вызывает кровавые раздоры и борьбу за власть между наследниками, и в такой ситуации приход к власти во многом зависит от способности претендентов. Неудивительно, что турецкий султан Мехмед II в XV в., желая избежать борьбы за власть после своей смерти, издал поразительный по своей сути закон, который давал право сыну, который вступит на престол, «убить своих братьев, чтобы был порядок на земле» (Петросян 1991: 164).

гениальные, героические, удачливые или преступные, призываются сказать решающее слово» (Лабриола 1960 [1896]: 183).

2. ФАКТОРНЫЙ И ФАЗОВЫЙ АНАЛИЗ

2.1. Фактор ситуации

Диалектика сочетания личного и социального при оценке роли личности исключительно сложна. В настоящей статье мы стремились представить в некоторой концептуальной системе сложный комплекс причин, которые влияют на роль личностей. Для этого воздействие всех типичных причин в этом плане мы обозначили единым понятием **«фактор ситуации»**, с введением которого операциональность анализа роли личности существенно повышается. Слово «ситуация» подчеркивает, что значимость роли личности не константа, а переменная, определяемая сочетанием объективных обстоятельств и личных качеств в определенном месте и в определенную эпоху.

Фактор ситуации включает в себя:

а) особенности среды, в которой действует личность (традиции, характеристики социальной системы, задачи, стоящие перед обществом, и т. п.);

б) состояние, в котором находится в определенный момент общество (устойчивое, неустойчивое, идет на подъем, под уклон и т. п.);

в) особенности окружающих обществ;

г) особенности этапа развития исторического процесса и исторического времени (включая степень интегрированности обществ, темп развития и пр.);

д) близость общества к центру Мир-Системы и центральной линии исторического процесса, что увеличивает или уменьшает возможность влиять на многие общества и исторический процесс в целом;

е) благоприятность момента для действий;

ж) особенности самой личности и ее понимания своей задачи;

з) потребность для эпохи, задачи, момента и обстановки именно в определенных качествах личности;

и) наличие достаточных социальных (политических, военных и т. п.) сил для решения задач;

к) наличие конкурентных деятелей;

л) другое.

Перечисленные выше моменты расположены не по степени значимости, поскольку сила факторов в разных случаях может быть неодинаковой. Если, например, рассматривается влияние личности на все человечество, то здесь особенно важны пункты «в», «г», «д»; если причины неудачи реформы, то «а», «б», «ж», «з», «и», «к». В целом же *чем больше из указанных факторов благоприятствует личности, тем важнее может быть ее роль.*

2.2. Отдельные составляющие фактора ситуации

Рамки статьи дают возможность только бегло сказать о некоторых аспектах отдельных составляющих, более подробно мы остановимся только на п. «б» – о фазах состояния общества и колебаниях роли личности при изменении этих состояний.

2.2.1. Общественный строй (п. «а»)

Современное государство сильно отличается от государств прежнего времени, поскольку в нем есть своего рода «встроенные регуляторы», позволяющие на сравнительно ранних стадиях выявлять назревающие проблемы и решать их, не доводя дело до социального взрыва. Такие «механизмы» ограничивают роль личности в плане неконтролируемого воздействия на общество, хотя современное общество создало новые возможности для такого влияния (см. ниже). Разные формы правления могут иметь свои плюсы и минусы, но в целом можно отметить, что чем правильнее проведено разделение властей, тем больше общество застраховано от того, что его руководители или ниспровергатели подорвут его устойчивость. Таким образом, *система сдержек и противовесов в политической организации общества, наличие «встроенных регуляторов» и социальной политики уменьшают чрезмерное влияние личностей.*

2.2.2. Теперь и прежде (п. «г»)

Роль личности напрямую связана с силами, которыми владеет в данный момент общество и которые оно ей «доверяет». При этом все факторы взаимосвязаны, поэтому и деятельность личностей

выступает в неразрывности с другими движущими силами и находится с ними в определенном соответствии. И когда возникает несоответствие, роль личности сильно и опасно повышается, что касается, в частности, получения в руки тех или иных технических средств. В древних и средневековых обществах монархическо-деспотического типа у властителей были огромные возможности влияния на общество. Особенно если в нем отсутствовали механизмы ограничения деспотии. Но тогда и не было столь больших технических возможностей²⁴. Каково бы ни было желание Чингисхана или Батые уничтожить огромную часть человечества, их возможности при любом раскладе были меньше, чем у нынешнего маньяка, который добрался бы до ядерной кнопки. Еще сто лет назад ни один человек не мог оказать такого воздействия на природу, как сегодня самый заурядный специалист (на гигантском танкере или на АЭС и т. п.)²⁵.

2.2.3. Рамки общества или человечества в целом (п. «д»)

В первом случае результат не так уж важен для всемирно-исторического процесса, тогда как для общества он может иметь огромное значение, например, неудача лидера порой имеет роковые последствия (общество может сойти с дистанции, попасть в зависимость, потерять темп и т. п.). Иное дело – появление качественно нового не только для общества, но и для всемирного процесса в результате деятельности личности (например, пророка новой мировой религии, политической революции и т. п.). Здесь

²⁴ Лев Толстой называл Николая II Чингисханом с пушками и телеграфом. Великий писатель, к его счастью, не предполагал, какие чингисханы с концлагерями, а также танками, отравляющими газами и атомной бомбой придут в скором времени. В XX в. стало очевидно, что (при прочих равных условиях) роль личности может возрасти до гигантских размеров, если в одном месте соединяются две тенденции: с одной стороны, персонализация власти и вседозволенность правителей, с другой – техническая мощь современности плюс возможность оказывать с ее помощью влияние на остальной мир. Именно так в прошлом веке произошло в СССР, Германии, Японии (см. также: Ноок 1955).

²⁵ Различия в силе влияния личности между прошлым и современностью в некоторых случаях проявляются в том, что сегодня у политиков гораздо больше знаний о разных путях и моделях развития, что нередко делает зависимым от личности выбор того или иного курса (так, Кемаль Ататюрк избрал для Турции путь светского европеизированного государства, а нынешние мусульманские лидеры часто выбирают исламизацию).

ставки намного выше. Например, христианство могло столь широко распространиться именно в многонациональной и достаточно тесно объединенной Римской империи. В целом *можно сказать, что роль личности растет в зависимости от масштаба сцены, а также от того, сколько «запасных» путей есть у эволюции.* Вот почему глобализация существенно повышает роль личности – число альтернатив уменьшается, а скорость развития растет. С другой стороны, *чем меньше объединено человечество, тем меньше влияния может оказать на него одна личность* (особенно это касается древних периодов истории).

2.2.4. Роль благоприятного момента (п. «е»)

Поскольку история не запрограммирована и в каждый момент времени из ряда потенций реализуется одна, то в определенных ситуациях шансы слабых тенденций возрастают и в целом возможность выбора увеличивается. Найдутся ли деятели, способные воспользоваться случаем, и кто они будут? Философы прошлого любили говорить, что не будь одной личности, ее заменила бы другая. В принципе, это было бы так, если бы ситуация могла ждать долго. Но дело-то именно в том, найдется ли нужный человек в наиболее благоприятный момент (когда, по известному выражению Ленина, сегодня – рано, а послезавтра – поздно). Стоит упустить случай, и потом уже в десять раз более одаренная личность ничего не сможет сделать. А поскольку темп истории возрастает, времени на эксперименты у обществ становится намного меньше, чем раньше, когда история могла переигрываться, разрушая и вновь создавая цивилизации (см. также: Hook 1955: 149–150). Общий уровень развития перерастает определенную ступень, и затем уже общество должно догонять других, используя не собственную, а чужие модели.

2.2.5. Соответствие времени и ситуации и способность реализовать исторический шанс (пп. «з», «ж»)

Бесспорно, если условий нет, личность не создаст их из ничего (поэтому в «темные» эпохи прозябают и самые большие таланты). *Никакие личности не способны создать великие эпохи, если для этого в обществе нет накопившихся условий.* Давно установлено, что личность всегда проявляется в конкретной обстановке и дей-

ствует прежде всего в рамках наличных задач и условий для себя и тех групп, с которыми себя отождествляет. Важно помнить, что личности действуют не в вакууме, а застают готовые отношения и формируются в определенной среде. А затем эта данность предшествующего, преломившись в человеке, сама становится важным условием его будущего воздействия на общество.

Крупные эпохи открывают иные возможности для личности. Но далеко не всегда история преподносит деятелю стопроцентные шансы. Очень часто они неопределенны, нечетки, спорны, просто малы. И далеко не всегда используются даже стопроцентные шансы. Поэтому как будут реализованы эти возможности – талантливо или бездарно – часто в огромной степени зависит именно от человека. А от того, реализуется ли шанс или будет упущен, ход событий существенно изменяется.

С учетом сказанного при оценке значения какого-то деятеля (что углубляет и представления о границах роли личности в истории в целом) можно попробовать ответить на вопрос: а мог ли кто-то другой сделать то же при наличных условиях²⁶? Нередко мы можем констатировать, что нет, не мог. То, что сделал этот человек (великое или преступное, хорошее или плохое): сумел сконцентрировать силы нации, использовать крошечный шанс, проявил небывалую жестокость и т. д., – это выше сил почти любого человека. Не этим ли также объясняется притягательность образов Александра Македонского, Цезаря, Наполеона и др.²⁷?

С другой стороны, считать, что великие эпохи рождают великих людей в смысле того, что они приходят как по заказу, в корне

²⁶ Естественно, что существует предел возможностей личности вообще (нельзя было открыть теорию относительности в античности) и предел тех условий, которые могли вызвать потребность в необходимой личности (так, паровой двигатель знали еще в античности, но дальше игрушек дело не пошло, поскольку в нем не было нужды).

²⁷ Эпизод, описанный Плутархом, очень хорошо иллюстрирует разницу между гениальным и просто выдающимся человеком. Александр Македонский советовался с приближенными, принять или нет условия, предложенные персами. Дарий III еще до решающей битвы при Гавгамелах был готов заключить мир на очень выгодных условиях. Он уступал Македонии все земли западнее Евфрата и сулил огромную контрибуцию. Парменион сказал: «Будь я Александром, я бы принял эти условия». «Клянусь Зевсом, я сделал бы так же, – воскликнул Александр, – будь я Парменионом!» И затем написал ультимативное письмо персидскому царю (Плутарх. Александр: XXIX).

неверно. (Разве сегодня мы не страдаем от недостатка выдающихся политиков?) Трагедией многих эпох явилось несоответствие лидеров задачам, которые ставило время. И напротив, появление человека, сумевшего воспользоваться обстоятельствами, чтобы увести общество в сторону от наиболее правильного пути, становилось их проклятием. *Таким образом, наличие более или менее соответствующей общественным задачам личности является только совпадением, не столь частым, хотя и достаточно вероятным.*

2.3. Фазы состояния общества (п. «б»)

Хотя далеко не все аспекты и составляющие фактора ситуации учитываются при анализе роли личности, ряд исследователей выделяют такой важный аспект, как состояние общества²⁸. В целом отмечают два главных состояния: 1) стабильности и прочности; 2) нестабильности, хаоса, революций, кризисов и т. п. При этом второе состояние дает возможность личностям проявить себя и влиять на общество гораздо сильнее, чем первое (см.: Лабриола 1960 [1896]: 182–183; Неру 1977: 71; Гуревич 1969: 68; Барулин 1993: 276; Пригожин, Стенгерс 2005: 50; Бородкин 2002: 150)²⁹. Мы сформулировали это положение так: *чем менее прочно и устойчиво общество, чем больше разрушены старые конструкции, тем большее влияние может оказать на него отдельная личность. Другими словами, роль личности обратно пропорциональна стабильности и прочности общества.*

Однако мы считаем, что более продуктивно выделять не две, а **четыре фазы**: две полусные (прочная стабильность и полный хаос) и две переходные (от стабильности к хаосу и от хаоса к новой форме стабильности)³⁰.

²⁸ Правда, к сожалению, большей частью это выражено в виде попутных, а порой и нечетких замечаний без систематизации и сколько-нибудь развернутого анализа.

²⁹ Еще Гегель отмечал, что великие исторические деятели – это деятели, действующие в переломные эпохи.

³⁰ Необходимо также создание более подробной классификации состояний общества. В частности, и стабильность, и особенно нестабильность имеют много вариантов, каждый из которых обладает очень существенными особенностями. Так, застой отличается от прочности в условиях экономического (территориального) роста, и тем более от условий быстрого

3. МОДЕЛИРОВАНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ РОЛИ ЛИЧНОСТИ В РАЗНЫХ ФАЗАХ СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА

Сказанное позволяет перейти к моделированию изменения роли личности на основе моделирования **процесса смены состояний (фаз) общества**. Нами разработана одна из возможных моделей такого процесса, состоящего из четырех фаз:

- 1) стабильное общество типа монархии;
- 2) общественный предреволюционный кризис;
- 3) революция;
- 4) создание нового порядка³¹.

В **первой фазе** – в течение относительно спокойной эпохи – роль личности хотя и существенна, но все же не слишком велика (хотя в абсолютных монархиях все, что касается монарха, может быть очень важным, да и в любом государстве всегда многое зависит от конкретного человека у власти)³². Отдельная личность может повлиять на скорость или направление движения общества в рамках уже намеченного направления развития. Гораздо реже может появиться личность, которая изменит ход развития кардинальным образом. Даже чтобы превратить благополучную ситуацию при устоявшемся режиме в катастрофу, часто нужно довольно длительное время. Так, Людовик XV, оставивший сакраментальное изречение «После нас – хоть потоп», правил с 1715 по 1774 г. И в

роста. Устойчивость может быть и при медленной деградации или упадке. Даже при стабильности многое зависит от того, насколько общественный строй «зарегулирован» на одну личность. Варианты общественной ломки тоже многообразны: реформа отличается от революции, мирная революция – от гражданской войны и т. п.

³¹ Разумеется, может быть много других моделей. Например, продуктивно выглядят такие: стабильность – кризис – реформа; стабильность – кризис – революция – контрреволюция; застой – реформа – подъем (или упадок); подъем – реформа – подъем. И т. п.

³² Вот как Гегель говорит об идеальном, по его мнению, государстве: «...здесь неверна именно предпосылка, будто бы имеет значение особенность характера. При совершенной организации государства важна лишь наличность формально решающей вершины и природной неподатливости страстям... Ибо вершина должна быть такого рода, что особенность характера не имеет значения... Монархия должна быть прочной в себе самой, и то, что монарху принадлежит сверх этого последнего решения, есть нечто входящее в область частного, чему не должно придаваться значения. Могут быть такие состояния государства, при которых выступает одна лишь эта область частного, но тогда государство еще не вполне развито или нехорошо построено» (Гегель 1934: 308–309).

период его малолетства при регентстве Филиппа Орлеанского (1715–1723), и позже внутренняя и внешняя политика Франции в целом оставляла желать лучшего, долг государства продолжал расти. Однако только при его преемнике Людовике XVI в 1788 г. начался такой финансовый кризис, который привел к революции. Тем более требуется редкое сочетание выдающихся качеств личностей, появления у них стремления к изменениям и особой удачи, чтобы поднять страну на новый уровень, как это сделал Петр I.

В смысле создания кризисной ситуации более важным может оказаться состояние соседних и иных обществ, которые военным вторжением могут подорвать стабильность. Аналогичную роль способны сыграть и стихийные бедствия, эпидемии.

Раньше или позже устоявшийся порядок начинает давать сбой. Противоречия внутри строя, особенно подогретые заимствованиями техники и технологии, передовых отношений и законов в отдельных областях, обостряются. Начинается движение за переустройство. Благо, если в это время находится лидер, способный повести общество по пути мирного развития. В монархиях таким обычно может быть лишь самодержец. В России 1861 г. такой царь явился и провел ряд преобразований. В России 1905 и 1917 гг. подобного не оказалось. Абсолютный правитель, как уже сказано, нередко выступает в большой мере как автономная, независимая сила: и в охране старого, вопреки здравому смыслу (таков был Николай I), и в плане реформирования отжившего, вопреки сопротивлению (таков во многом был Александр II). Автономия такого правителя подтверждается и тем, что очень часто изменения начинаются только с его (монарха, диктатора) смертью (свержением), поскольку при жизни это было невозможно.

Вторая фаза начинается, когда строй клонится к закату. Страна стоит на пороге социально-политического взрыва. Произойдет он или нет, зависит от многих факторов, в том числе и от силы личностей с одной и с другой стороны.

Если решение неудобных для власти вопросов оттягивается, то возникает ситуация кризиса и возрастает стремление к насиль-

ственному их разрешению. Появляется много личностей мессианского типа, готовых взяться за переустройство общества самыми разными путями – от реформы до революции. Возникает несколько альтернатив развития, за которыми не просто стоят различные социально-политические силы, но которые также представлены персоналиями³³. И от особенностей и удачи этих персон в той или иной степени теперь зависит, куда общество может повернуть.

А вместе с этим на сцену выходят различные концепции и схемы переустройства страны, мира, устранения несправедливости. Альтернативные возможности (тенденции и направления) развития общества не только получают здесь более ясное классово-групповое выражение, но и находят своих апологетов, лидеров, провозвестников и т. п.

Ответственность монарха, если он доводит общество до взрыва, в большой мере измеряется тем, насколько такая революция повредила или, напротив, сказалась положительно на дальнейшей судьбе державы³⁴. В такую эпоху яркие личности более характерны для стороны разрушительной, которая чувствует за собой историческую и моральную правоту, при этом предкризисная эпоха открывает возможности для того, чтобы значительное количество талантливых людей заявило о себе. Однако нередко это однокорые, непримиримые, порой фанатично настроенные люди. Но могут выявиться таланты и в консервативном лагере, обеспокоенном нарушением равновесия. Таким был, например, П. А. Столыпин в России или А. Р. Тюрго во Франции (хотя как раз именно такие деятели часто приходится не ко двору). Удача, если такому лидеру удастся «выпустить пар» и мирно изменить страну, разрядив ситуацию. Однако так бывает далеко не всегда. Кризисы часто потому и являются кризисами, что ограниченные и упрямые люди доводят

³³ Говоря языком теории динамического хаоса, общество приближается к точке бифуркации, когда происходит выбор одного канала будущей социальной эволюции из нескольких альтернативных.

³⁴ «Ответственны за революцию все, и более всего ответственны реакционные силы старого режима». «Революция всегда говорит о том, что власть имеющие не исполнили своего назначения» (Бердяев 1990: 258).

положение до такой крайности, из которой уже практически не вырваться.

Третья фаза наступает, когда строй гибнет под влиянием революционного напора. Начиная в такой ситуации разрешать глобальные противоречия, накопившиеся в старой системе, общество никогда не имеет заранее однозначного решения. Это невозможно по многим причинам, уже потому, что каждый класс, группа, партия имеют свой вариант решения проблемы, а борьба партий, личностей и идей лишь усиливает такое множество альтернатив. Какие-то из тенденций, конечно, имеют больше, а какие-то – меньше вероятностей реализоваться, но это соотношение может под влиянием разных причин резко измениться. В такие переломные периоды, по нашему мнению, лидеры иногда играют роль как бы гирек, способных перетянуть чашу исторических весов³⁵. Такие взрывы дают много возможностей для различных эволюционных вариантов развития, которые могут быть как вредны, так и благотворны. Это уже определяет конкретный расклад сил и случай. Беда только в том, что метод проб и ошибок истории требует миллионов жертв и загубленных поколений тех, кто попал под несчастливый Случай.

Какая из сил победит, определяется многими конкретными факторами, в том числе более удачливым или волевым руководителем, случаем и умением им воспользоваться и т. п. Нет сомнения, что исключительная воля Ленина, Троцкого и других сыграла выдающуюся роль в плане завоевания и удержания власти большевиками. Не сумей Ленин вовремя вернуться в Россию из Швейцарии или окажись более влиятельными Каменев и Зиновьев с их неуверенностью, и нет сомнения, что судьба России была бы более благополучной.

Следовательно, в определенные моменты сила личностей, их индивидуальные качества, соответствие своей роли и др. имеют

³⁵ Это похоже также на явление резонанса в физике. И когда частота колебаний общественных возможностей (в самом различном виде, например в желаниях масс или армии) совпадает с колебаниями личности, когда в ней как бы аккумулируется гигантская воля общественной силы, роль ее увеличивается тысячекратно.

огромное, часто определяющее значение³⁶. Этот волевой, нередко иррациональный и подверженный случаю фактор может быть благотворен, но и крайне опасен, поэтому – как уже сказано – гораздо надежнее, если у общества есть ограничители таких влияний³⁷.

После максимального разрушения старого режима, когда скрепляющие социум связи распались, а жесткие конструкции разрушились, общество становится аморфным и потому очень податливым к силовым воздействиям. В такие периоды роль личностей носит неконтролируемый, непрогнозируемый характер и может стать формообразующей силой для неокрепшего общества. Это связано также с тем, что в процессе тяжелой борьбы за приход к власти или ее удержание под воздействием множества нужд и личных амбиций нередко создаются такие общественные формы, которые никто не планировал и не мог планировать. Важно, что эти, по сути дела, случайные вещи затем становятся уже данностью, которая нередко может определять будущее устройство обновленного общества, тем более если в этом обществе будет господствовать жесткая ортодоксальная идеология. В итоге, получив влияние, лидеры заводят общества туда, куда никто не мог и помыслить, «изобретают» небывалую общественную конструкцию (хотя и ограниченную географическими и иными условиями, которые никто не может игнорировать). В такие переломные эпохи роль личности огромна, но эта роль – и особенно ее дальнейшие влияния – в итоге часто оказывается не совсем той (или даже совсем иной), чем предполагала сама эта личность.

Четвертая фаза наступает (иногда довольно быстро), когда начинается создание нового строя и порядка. После укрепления у власти какой-либо политической силы борьба может идти уже в стане победителей. Она связана как с взаимоотношениями лидеров, так и с выбором дальнейшего пути развития. *Роль личности здесь также исключительно велика: ведь общество еще не застыло, а*

³⁶ Об одной из таких ситуаций А. Лабриола, например, писал: «Когда специфические интересы отдельных социальных групп настолько обострены, что все борющиеся партии взаимно парализуют друг друга, тогда, для того чтобы привести в движение политический механизм, требуется индивидуальное сознание определенной личности» (Лабриола 1960 [1896]: 183).

³⁷ Такие опасения отразились в мировоззрении отцов-основателей США, считавших, что всякое правительство – неизбежное зло, но плохое – зло нестерпимое.

новая система может связываться именно с определенным человеком, пророком, вождем и т. п. После крутой смены общественных порядков общество заметно поляризуется. Популярная личность, например вождь восстания или глава победившей партии, становится своего рода знаменем. Чтобы окончательно утвердиться у власти, нужно расправиться с оставшимися политическими соперниками и не допустить роста конкуренции со стороны соратников. Эта продолжающаяся борьба (длительность которой зависит от многих причин) напрямую связана с особенностями побеждающей личности и окончательно придает облик обществу, закрепляя какой-то вариант нового порядка в рамках победившего направления (например, все отступления от определенных догматов веры объявляются ересью, в компартии – правым или левым уклоном и т. п.).

Естественно, от того, каков лидер, на чем внутри движения базировался его авторитет, зависит очень многое. В частности, не исключено, что Ленин, продолжай он жить, – в отличие от Сталина – мог бы обойтись без больших и кровавых репрессий в партии и в значительной степени в обществе. Смерть этого человека до крайности обостряет борьбу в стане победителей.

Такие переходные эпохи часто завершаются личной диктатурой, в которой сливаются и устремления самого лидера, и олицетворение различных «успехов» в нем, и слабость общества, и т. п.³⁸

Итак, характер новой системы сильно зависит от качеств лидеров, перипетий борьбы и прочих, порой случайных, вещей. Это причина того, что всегда **в результате перемен получается совершенно не то общество, которое планировалось.**

Постепенно рассматриваемая нами гипотетическая система взрослеет, формируется, приобретает жесткость и собственные законы. Теперь уже во многом они определяют лидеров. Афористично выразили это философы прошлого: «Когда общества рождаются, именно лидеры создают институты республики. Позднее институты производят лидеров». Пока строй достаточно крепок, а тем более если он хотя бы частично прогрессирует, изменить его не так-то просто, часто невозможно. Если общество, вступившее «по

³⁸ «Все революции кончаются реакциями. Это неотвратимо. Это – закон» (Бердяев 1990: 29).

спирали» вновь в фазу устойчивости, не сумело приобрести регуляторы бескризисного развития, то цикл с известными изменениями может повториться или на каком-то этапе наступят благотворные преобразования.

* * *

В заключение вновь повторим, что проблема роли личности в истории для каждого поколения всегда актуальна и решается в новом аспекте. Поэтому, на наш взгляд, она неправомерно списана в разряд малоактуальных. Есть серьезная необходимость вернуться к анализу проблемы роли личности в истории с учетом новых достижений в исторической науке и новых научных средств.

Литература

Аверьянов, А. Н. 1985. *Системное познание мира. Методологические проблемы*. М.: Изд-во полит. лит-ры.

Арон, Р.

1993а. *Мнимый марксизм*. М.: Прогресс.

1993б. *Этапы развития социологической мысли*. М.: Прогресс Универс.

2000. *Избранное: Введение в философию истории*. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга.

2004. *Избранное: Измерения исторического сознания*. М.: РОССПЭН.

Барулин, В. С. 1993. *Социальная философия: в 2 ч*. М.: МГУ.

Бердяев, Н. 1990. *Философия неравенства*. М.: ИМА-Пресс.

Берталанфи, Л. фон

1969а. Общая теория систем: критический обзор. В: Садовский, Юдин 1969б: 23–82.

1969б. Общая теория систем – обзор проблем и результатов. *Системные исследования* 1: 30–54.

Блауберг, И. В. 1997. *Проблема целостности и системный подход*. М.: УРСС.

Блауберг, И. В., Юдин, Э. Г.

1967. Системный подход в социальных исследованиях. *Вопросы философии* 9: 100–111.

1972. *Понятие целостности и его роль в научном познании*. М.: Знание.

Бородкин, Л. И. 2002. Бифуркации в процессах эволюции природы и общества: общее и особенное в оценке И. Пригожина. *История и компьютер* 29: 143–157.

Боулдинг, К. 1969. Общая теория систем – скелет науки. В: Садовский, Юдин 1969б: 106–124.

Бутинов, Н. А.

1968. *Папуасы Новой Гвинеи*. М.: Наука.

2000. *Народы Папуа Новой Гвинеи (От племенного строя к независимому государству)*. СПб.: Петербургское Востоковедение.

Гегель, Г. В. Ф.

1934. Философия права. *Соч.*: в 14 т. Т. 7. М.; Л.

1935. Философия истории. *Соч.*: в 14 т. Т. 8. М.; Л.

Гемпель, К.

1977. Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении. В: Кон 1977: 72–93.

1998. *Логика объяснения*. М.: Дом интеллектуальной книги.

Грашши, А. 1991 [1929–1935]. *Тюремные тетради*. Ч. 1. М.: Изд-во полит. лит-ры.

Гринин, Л. Е.

1997. Формации и цивилизации. Гл. 3. Проблемы анализа движущих сил исторического развития и общественного прогресса. *Философия и общество* 3: 5–92.

2006. Раннее государство и его аналоги. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* (с. 85–163). Волгоград: Учитель.

2007. Проблема анализа движущих сил исторического развития, общественного прогресса и социальной эволюции. В: Семенов, Ю. И., Гобозов, И. А., Гринин, Л. Е., *Философия истории: проблемы и перспективы* (с. 183–203). М.: КомКнига/URSS.

2008. О роли личности в истории. *Вестник РАН* 78(1): 42–47.

2010. Личность в истории: эволюция взглядов. *История и современность* 2: 3–44.

2011. *Государство и исторический процесс. Эпоха формирования государства. Общий контекст социальной эволюции при образовании государства*. 2-е изд. М.: Либроком.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. 2010. Введение. Русские революции в столетней ретроспективе. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. (ред.), *О причинах русской революции* (с. 5–24). М.: ЛКИ.

Гуревич, А. Я. 1969. Об исторической закономерности. В: Гулыга, А. В., Левада, Ю. А. (сост.), *Философские проблемы исторической науки*. М.: Наука.

Дрей, У. 1977. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке. В: Кон 1977: 37–71.

Инкельс, А. 1972. Личность и социальная структура. В: Осипов, Г. В. (ред.), *Американская социология: Перспективы, проблемы, методы*. М.: Прогресс.

Кареев, Н. И.

1890. *Основные вопросы философии истории*. Ч. III. *Сущность исторического процесса и роль личности в истории*. СПб.: Тип. Стасюлевича.

1914. *Сущность исторического процесса и роль личности в истории*. 2-е изд., с добавл. СПб.: Тип. Стасюлевича.

Карлейль, Т.

1891. *Герои и героическое в истории*. СПб.: Изд. Ф. Павленкова.

1994. Герои, почитание героев и героическое в истории. В: Карлейль, Т., *Теперь и прежде* (с. 6–198). М.: Республика.

Каутский, К. 1931. *Материалистическое понимание истории*. Т. 2. М.; Л.: Соцэкгиз.

Кон, И. С. (ред.) 1977. *Философия и методология истории*. М.: Прогресс.

Лабриола, А. 1960 [1896]. *Очерки материалистического понимания истории*. М.: Госполитиздат.

Лисеев, И. К., Садовский, В. Н. (ред.) 2004. *Системный подход в современной науке (к 100-летию Людвиг фон Берталанфи)*. М.: Прогресс-Традиция.

Мизес, Л. 2001 [1957]. *Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции*. М.: Юнити-Дана.

Миллз, Т. М. 1972. О социологии малых групп. В: Осипов, Г. В. (ред.), *Американская социология. Перспективы, проблемы, методы*. М.: Прогресс.

Михайловский, Н. К. 1998 [1882]. *Герои и толпа: Избранные труды по социологии*: в 2 т. Т. 2 / отв. ред. В. В. Козловский. СПб.: Алетейя.

Монсеев, Н. Н. 1987. *Алгоритмы эволюции*. М.: Молодая гвардия.

Нагель, Э. 1977. Детерминизм в истории. В: Кон 1977: 94–114.

Неру, Дж. 1977. *Взгляд на всемирную историю*: в 3 т. Т. 3. М.: Прогресс.

Петросян, Ю. А. 1991. *Древний город на берегах Босфора*. М.: Наука.

Плеханов, Г. В. 1956. К вопросу о роли личности в истории. *Избранные философские произведения*: в 5 т. Т. 2 (с. 300–334). М.: Госполитиздат.

Попов, В. А.

1982. *Ашантийцы в XIX веке. Опыт этносоциологического исследования*. М.: Наука.

1990. *Этносоциальная история аканов в XVI–XIX веках*. М.: Наука.

Поппер, К. 1992. *Открытое общество и его враги*. М.: Международный фонд «Культурная инициатива».

Пригожин, И., Стенгерс, И. 2005. *Время, хаос, квант. К решению парадокса времени*. М.: КомКнига.

Раппопорт, Х. 1899. *Философия истории в ее главнейших течениях*. СПб.

Садовский, В. Н. 1974. *Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ*. М.: Наука.

Садовский, В. Н., Юдин, Э. Г.

1969а. Задачи, методы и приложения общей теории систем (вступительная статья). В: Садовский, Юдин 1969б: 3–22.

1969б (ред.). *Исследования по общей теории систем*. М.: Прогресс.

Тойнби, А. Дж.

1979. Если бы Александр не умер тогда... *Знание – сила* 12: 39–42.

1991. *Постижение истории*. М.: Прогресс.

1994. Если бы Филипп и Артаксеркс уцелели... *Знание – сила* 8: 60–65.

Хара-Даван, Э. 1996. Чингис-Хан как полководец и его наследие. В: Муслимов, И. Б. (ред.), *На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X–XVI вв.)* (с. 73–276). М.: ИНСАН.

Шумпетер, Й. 1982. *Теория экономического развития*. М.: Прогресс.

Щедровицкий, Г. П. 1964. *Проблемы методологии системного исследования*. М.: Знание.

Эшби, У. Р. 1969. Общая теория систем как новая научная дисциплина. В: Садовский, Юдин 1969б: 125–142.

Alexander, B. 2000. *How Hitler could have Won World War II: The Fatal Errors That Led to Nazi Defeat*. New York, NY: Three Rivers Press.

Barfield, Th. 1991. Inner Asia and Cycles of Power in China's Imperial History. In Seaman, G., Marks, D. (eds.), *Rulers from the Steppe: State Formation on the Eurasian Periphery* (pp. 21–62). Los Angeles, CA: Ethnographics Press.

Bertalanffy, L. von

1951. General Systems Theory: A New Approach to Unity of Science. *Human Biology* 23(4): 302–361.

1962. General System Theory – A Critical Review. *General Systems* 7: 1–20.

1968. *General Systems Theory. Foundations, Development, Applications*. New York, NY: George Braziller.

Carneiro, R. 2002. Was the Chiefdom a Congelation of Ideas? *Social Evolution & History* 1(1): 80–100.

Carr, C. 2000. Napoleon Wins at Waterloo. In Cowley, R. (ed.), *What If?: The World's Foremost Historians Imagine What Might Have Been* (pp. 220–221). New York, NY: Berkley Books.

Carr, D. 1996. History, Fiction, and Human Time. *History and the Limits of Interpretation. A Symposium*. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://web.lemoyne.edu/~hevern/narpsych/nr-hist.html>

Claessen, H. J. M. 2002. Was the State Inevitable? *Social Evolution & History* 1(1): 101–117.

Dray, W. H. 1963. The Historical Explanation of Actions Reconsidered. In Hook, S. (ed.), *Philosophy and History. A Symposium* (pp. 105–135). New York, NY: New York University Press.

Fisher, H. 1935. *A History of Europe*. Vol. I. London.

Geoffroy-Chateau, L.-N. 1836. *Napoleon et la Conquete du Monde*. Paris: Delloye.

Grinin, L. E.

2004. The Early State and Its Analogues: A Comparative Analysis. In Grinin, L. E., Carneiro, R. L., Bondarenko, D. M., Kradin, N. N., Korotayev, A. V. (eds.), *The Early State, Its Alternatives and Analogues* (pp. 88–136). Volgograd: Uchitel.

2007. Once More to the Question on the Role of Personality in History. In Kuçuradi, I., Voss, S. (eds.), *The Proceedings of the XXIst World Congress of Philosophy 'Philosophy Facing World Problems'* (pp. 169–173). Ankara: Philosophical Society of Turkey.

2008. The Role of the Individual in History. *Herald of the Russian Academy of Sciences* 78(1): 64–69.

2010. The Role of Individual in History: A Reconsideration. *Social Evolution & History* 9(2): 95–136.

Hempel, C. G. 1963. Reasons and Covering Law in Historical Explanation. In Hook, S. (ed.), *Philosophy and History. A Symposium* (pp. 143–163). New York, NY: New York University Press.

Hook, S. 1955 [1943]. *The Hero in History. A Study in Limitation and Possibility*. Boston, MA: Beacon Press.

Hook, S. (ed.) 1963. *Philosophy and History. A Symposium*. New York, NY: New York University Press.

Jones, R. D. S. (ed.) 1969. *Unity and Diversity in Systems*. New York, NY: Gordon and Breach.

Mandelbaum, M. 1963. Objectivism in History. In Hook, S. (ed.), *Philosophy and History. A Symposium* (pp. 43–56). New York, NY: New York University Press.

Mesarovič, M. D. (ed.) 1964. *Views of General Systems Theory*. New York, NY: John Wiley.

Miller, J. C. 1976. *Kings and Kinsmen: Early Mbundu States in Angola (Oxford Studies in African Affairs)*. Oxford: Clarendon Press.

Montefiore, S. S. 2004. Stalin Flees Moscow in 1941. In Robert, A. (ed.), *What Might Have Been: Leading Historians on Twelve 'What Ifs' of History* (pp. 134–152). London: Weidenfeld and Nicolson.

Murray, W. 2000. What a Taxi Driver Wrought. In Cowley, R. (ed.), *What If?: The World's Foremost Historians Imagine What Might Have Been* (pp. 306–307). New York, NY: Berkley Books.

Nagel, E. 1961. *The Structure of Science. Problems in the Logic of Scientific Explanation*. New York, NY: Harcourt, Brace & World.

Nowak, L. 2009. Class and Individual in the Historical Process. In Brzezechzyn, K. (ed.), *Idealization XIII: Modeling in History (Series: Poznan Studies in the Philosophy of the Sciences and the Humanities, vol. 97)* (pp. 63–84). Amsterdam / New York, NY: Rodopi.

Ogburn, W. F. 1926. The Great Man versus Social Forces. *Social Forces* 5(2) (December): 225–231.

Oman, C. 1942. *Napoleon at the Channel*. New York.

Popper, K. 1966. *The Open Society and its Enemies*. London: Routledge & Kegan Paul.

Schumpeter, J. A. 1939. *Business Cycles*. New York, NY: McGraw-Hill.

Stern, F. (ed.) 1964. *The Varieties of History. From Voltaire to the Present*. Cleveland; New York.

Trevelyan, G. 1972 [1932]. If Napoleon had Won the Battle of Waterloo. In Squire, J. C. (ed.), *If It had Happened Otherwise* (pp. 299–312). London: Sidgwick and Jackson.

Thompson, W. R. 2010. The Lead Economy Sequence in World Politics (From Sung China to the United States): Selected Counterfactuals. *Journal of Globalization Studies* 1(1): 6–28.

Toynbee, A. J.

1969a. If Alexander the Great had Lived on. In Toynbee 1969c: 441–486.

1969b. If Ochus and Philip had Lived on. In Toynbee 1969c: 421–440.

1969c. *Some Problems in Greek History*. Oxford: Oxford University press.

Walsh, W. H. 1992. *An Introduction to the Philosophy of History*. Bristol.